

Желание исчезнуть

Автор:

Константин Куприянов

Желание исчезнуть

Константин Куприянов

Кузьма, герой войны, возвращается в родной посёлок. Он пробует влиться в мирную жизнь, заново подружиться с дочерью, заняться мирным трудом. Он пытается рассказать заезжей журналистке правду о войне, бросает вызов врагам. В это время к герою приезжает бывший сослуживец. Он предупреждает, что Кузьме угрожает смертельная опасность, совсем близко наёмные убийцы, посланные врагом. Но можно ли доверять ему, ведь сам он выжил лишь благодаря чувству мести и любви к погибшей возлюбленной?

Желание исчезнуть

Константин Куприянов

Все события и персонажи вымышлены, любые совпадения с реальностью случайны

© Константин Куприянов, 2018

ISBN 978-5-4490-8800-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Желание исчезнуть

РОМАН

Глава первая

Приказ о комиссовании Кузьму не сильно обрадовал. Как уважаемому на фронте человеку, весть ему принес лично полковник Серов.

- Я же обещал, - сказал он.

Кузьма поерзал на постели.

- Не рад?

- Да как-то... Ладно, - он махнул рукой.

- Дочь повидаешь.

- Ага.

Потом Кузьма вспомнил, что повидает и Борьку, своего верного пса, которому уже стукнуло восемь, и это ободрило его. Серов ушел - больше он его никогда не видел.

Медаль за отвагу Кузьма сунул в карман, звезду героя повесил на грудь, а подаренный полковником пистолет Ярыгина поместил в кобуру на поясе. И вот третьего апреля, после двух месяцев в госпитале, он вышел. Над одесскими руинами распространилась юная весна, и Кузьма улыбнулся, впервые за много дней. Катером его переправили в Херсон, откуда начался путь домой.

Как герою войны ему выдали билет в купе. Было непривычно ехать как гражданский, на пассажирском скором поезде, и не на запад, навстречу усиливающейся канонаде, а дальше, прочь от взрывов – домой... но Кузьма ехал. Нравилось, что поезд возвращает его медленно, будто вполсилы, делая долгие остановки на полустанках и в обезлюдивших за войну городках.

Когда ему написали, два года назад, что Галина умерла, сердце ухнуло куда-то вниз, побыло там, а потом пошло снова, но больше в нем не отзывалось ничего похожего на любовь. Да, у него еще была дочка Полина, и надо было ехать, но Кузьма знал, что делает это из долга. Он отвык на войне делать что-либо, кроме приказанного, а тут опять надо самим собой управлять, самого себя кормить, одевать, развлекать... От этого болела голова, и Кузьма двое суток пролежал на полке трупом.

На третьи сутки, очнувшись, он захотел посоветоваться с соседями. С ним ехала интеллигентного вида семейная пара: мужичок с козлиной бородкой, в очках, и девушка с крохотной собачкой. Кузьма слез к ним.

– Здравствуйте, – сказал он, растягивая «а».

Оба уставились на него. Думали, наверное, помер там Кузьма? Не дождутся! Кузьму пуля не взяла, гранаты не взяли, поезд тем паче не приберет.

– Давайте знакомиться! Кузьма!

Он волновался, потому что давно не разговаривал с не тронутыми войной людьми. Говорить, возможно, выходило громче, чем он хотел, и Кузьма изо всех сил улыбался, чтобы не испугать их. Он протянул огромную коричневую лапу мужчине, затем женщине. Скука по женщине, копившаяся долгих четыре года, дала о себе знать: он уставился на попутчицу безотрывно.

– А я, между прочим, героический человек, – сообщил он. – Вот этой рукой придушил фашистского командира. Одной рукой. Потому как вторая была подбита осколком, – он с небольшим усилием согнул левую руку. – Видишь? До сих пор плохо ходит.

Люди переглянулись и, судя по выражению лиц, молча согласились. Кисти Кузьмы были огромными – вполне верилось, что он мог придушить врага одной

правой.

– А другой раз мне засадили пулю прям сюда, – продолжил Кузьма, показывая с улыбкой на голову.

Он сел между мужчиной и женщиной и приобнял обоих, но, конечно, больше ему хотелось приобнять даму. Его ладонь испытала уже забытое ощущение женского тела – не истощенного войной, осадой или голодом, как было под Одессой, а здоровой, упругой плоти, что ощущалось даже через платье. Женщина, видимо, почувствовав его похоть, отстранилась и пересела напротив, поэтому он скоро пришел в себя. Мужчина обмяк под его прикосновением, но не шелохнулся, опустил взгляд и грустно слушал.

– Я на него смотрю, и он на меня смотрит. Стреляем оба, а у меня патроны всё, ёк! А у него еще два! Вот и попал. Сюда и сюда.

Кузьма показал место на шее, где пуля пошла по касательной, лишь вспоров кожу, и на нижнюю челюсть, куда вошла вторая и застряла, пробив полголовы, но не дойдя до мозга.

– Шесть хирургов меня смотрело! – Он показал пятерню, потому что вторая рука все еще лежала на плече соседа. – Шесть! – Он загнул палец. – И все развели руками: можно убить, если извлекать. Пусть так помрет. Поэтому я тут приговоренный. Не надо резких движений, не надо нервничать, ударяться. В общем, осторожно себя вести и все такое. Тогда проживу. Но может все равно пройти, чертовка, и прибьет Кузьму. То есть вроде как дали надежду на хорошее, но если начну дергаться, то... – Он с улыбкой развел руками. – Как тебе расклад? Я с тех пор еще год провоевал.

Кузьма посмотрел на женщину и усмехнулся. Она глядела исподлобья, но вместо брезгливости теперь с удивлением.

– За тот случай, когда я бросился и голыми руками придавил врага, дали медальку. Сейчас покажу. Ох, сейчас...

Кузьма долго разыскивал медаль, не в силах вспомнить, в каком из карманов везет ее. Собачка занервничала и стала тявкать.

– Тихо ты, тихо, – успокоил ее Кузьма. Он вынул медаль и поднял так, чтобы было всем видно. Собачка и впрямь утихомирилась и с высунутым язычком глядела на происходящее.

– Золотая, как думаешь? – спросил он, ущипнув попутчика. Тот кивнул. – Вот и мне кажется, что золотая. Серов (это полкан наш, вручал мне ее) не ответил че-то на этот вопрос, просто улыбнулся. Ну да черт с ней. Если что, в тяжелую годину продам. А вот геройскую никому не продам. Хотя ладно, когда умру – пусть доча продаст, ежели уж надо. Да, Полинка моя...

Кузьма спрятал медаль и задумался. До этого мгновения он мало размышлял над тем, что проживет совсем недолго, не выдаст дочь замуж... Кто-то, правда, сказал ему, что надо съездить в Москву и справиться про удаление пули, но он смутно в это верил. И до войны был он в столице лишь раз, а теперь вообще плохо понимал, существует ли она до сих пор. Не поделившись с попутчиками размышлениями, он сразу перешел к вопросу:

– Не слыхали, как там в Москве? Серов говорил, там сейчас времена тоже нелегкие, но я вообще не понял, что это значит. Вы не в курсе? Мне бы в больничку к ихним хирургам. Но я вот думаю, доеду ли. Вот мы едем, уже два дня, а что будет, если я в Москву двину? Это ж сколько ехать? Дня три?

Словно в подтверждение его тревоги, поезд в очередной раз остановился.

– О! Ну, ты посмотри!

Кузьма поднялся, открыл окно, высунулся.

– Эй! – Он свистнул стрелочнику, суетившемуся у головного вагона. – Что теперь-то?!

– Пути делают!

– Пожалуйста. Видал? – сев, он ткнул мужчину под ребра локтем, тот скорчился от боли и собственного несчастья. – Все ж разнесли нахрен, понимаешь? Как ехать? Опять будем день стоять. Но, с другой стороны, ради удлинения жизни можно и поехать, и постоять в очередях там... А с третьей стороны, к черту

Москву. Там холодно, говорят. А летом, наоборот, жара такая, что ходить невозможно. Все голые ходят, даже девки голые, говорят... Я вот нормальную голую девку не видел уж года три. Укрошки все грязные, голодные были. То ли дело лет двадцать назад: ездил туда в отпуск, целый выводок маленьких Кузь оставил по себе. Вот время было!.. Сейчас вспоминаю – как будто не со мной... – Кузьма засмеялся. – Ох, Галина бы ругалась, если б узнала. Галина – это моя жена, – доверительно пояснил он попутчице. – Только она того, – он вздохнул. – И никто не написал отчего. Что там было у них, спрашивается? Голод? Болезнь? Пуля? Бомба?.. Не отвечают!

Заметив, что спутница дрожит под его взглядом, Кузьма встал и захлопнул окно. Купе успело изрядно проветриться. За голым мертвым полем, посреди которого они стояли, багровел закат.

– Ну так как? Кто на чего ставит? Что Галинку мою пришибло? Я догадываюсь, стрельнул кто-то. Суки. За меня же укры награду объявляли. Может, и за жену чего давали. Вообще, я слышал, немало диверсантов их отправили туда, а наши, кто в тылу работать должен над безопасностью, отыскать и не могут! Прикиньте! Диверсанты!.. Я такого за версту отличаю теперь. Дебилы! – Он смачно харкнул на пол.

Женщина закрыла лицо руками.

– Ой, я забыл, – Кузьма искренне смутился. – Извиняюсь. Вытру!

Он встал и начал искать тряпку. Подумал вытереть рукавом, но решил, что окончательно испортит впечатление. Чертыхался, суетился, но найти ничего не смог.

– У вас салфеток нет, граждане? – с надеждой спросил он попутчиков.

Те синхронно покачали головами.

– Эх, ладно, схожу в... Скоро приду! – Кузьма вышел.

Опорожнившись, он намотал на руку туалетной бумаги и вернулся в купе. Попутчиков не было. Кузьма растерянно выглянул в коридор.

– Эй, мужики! – крикнул он паре других демобилизованных. – Видали тут парочку? Мужик такой мелкий и барышня... красивая, с собачкой.

– Да не вроде, – ответили ему.

Кузьма залез на свою полку, надеясь дождаться их возвращения. Темнело, он провалился в сон. Проснувшись посреди ночи, понял, что поезд вновь движется. Попутчиков так и не было. Тут до него дошло, что они сбежали, и Кузьма разочарованно вздохнул. Впрочем, он сразу простил их. Гражданские, что с них взять? Спал он хорошо и долго, очнулся лишь следующим вечером.

Железная дорога не шла до родного поселка Кузьмы, который назывался Край, поэтому он высадился на вокзале Новороссийска и оттуда ехал на такси. Водитель попался немногословный. Поначалу Кузьма дремал, но когда проезжали Геленджик, открыл глаза, увидел, что всюду разлито теплое весеннее солнце, и спросил:

– Ты сам откуда?

– Да вот, с Геленджика.

– О, понятно. И как тут? Меня дома четыре года не было.

– Думаешь, поменялось что?

– Ну а как же. Всегда что-то меняется.

– Нет, – после обстоятельных раздумий ответил водитель.

– Хорошо вам. В Одессе всегда что-то меняется, каждый час.

Кузьме показалось, что водитель вздрогнул, услышав название.

– А что ты там делал?

– То и делал. Работал.

– Рабо-отал, – протянул таксист. – Военный?

– Как видишь.

– Не вижу. Зачем там еще военные наши? Там разве еще что-то происходит? – Теперь в его голосе звучало подозрение.

– А как же! Вам что, газет не присылают?

– Про это нет. Вроде кончилось все давно. По новостям не передавали уж год как. Или два.

Кузьма растерянно смотрел на него, гадая, шутит или нет. Один раз за оставшийся путь водитель покосился на него с недоверием, но не спрашивал и остаток пути хмуро избегал разговоров.

Лишь когда они проехали Край и водитель осознал, что дом Кузьмы расположен не в самом поселке, а на приличном удалении (до хутора было десять километров на юг вдоль моря), он снова заговорил, принявшись злобно ругаться на дорогу. Грунтовка со множеством ям и крутых поворотов не давала гнать быстро, поэтому короткий отрезок занимал добрых полчаса.

Оказавшись у родного дома, Кузьма растерялся. Калитка была приоткрыта, заходи – не хочу. Но что-то останавливало его. День выдался жаркий, солнце стояло в зените, припекало голову. Редкий ветерок касался налитых зеленью листьев плюща, увивших остатки забора. Дом был невидим с дороги за ветвями абрикосовых деревьев и лапами сосен. Белесая весенняя испарина, переполненная жужжанием насекомых, сладким цветением, молодым травяным соком, окутывала участок. Когда ветер подул в сторону дома, Борька учуял Кузьму, поднял лай и помчался навстречу. Он чуть не опрокинул хозяина, но тот выдержал, сам упал на колени и заплакал, обнимая огромного нестриженого пса.

– Ну оброс, обро-ос, обормот! Не стрижет никто, я погляжу, – сказал он. Потом с удивлением понял, что плохо видит. – Чего это?

Кузьма вытер слезы с некоторой тревогой, но, взглянув на руки, убедился, что это не кровь.

– Как ты тут, а?

Борька, здоровая немецкая овчарка, уже излизал всю шею, заросший подбородок, щеки Кузьмы и звонко лаял от счастья.

– Скучал, да, Борька? Я-то боялся, не вспомнишь, гавкать начнешь! Ну-ка, голос, Борька, голос!

Пес изо всех сил залаял. Верхние ноты превращались в визг, что бывало только от великой радости. Кузьма еще раз проверил глаза – сухо. Они не знали слез, с тех пор как похоронил первого боевого товарища, еще в самом начале, когда только прибыл и пробивался в числе подкреплений на помощь ребятам в Херсонском котле... Кузьма вспомнил, сколько еще было смертей после того, первого боя, – они уже мало значили для него. Почти четырехлетняя битва за Одессу, уничтожившая всех друзей и научившая быстро отвыкать от людей, теперь отдалялась по мере того, как он шагал к родному дому.

Узнавался участок легко, но ощущения, что Кузьма на родной земле, пока не было. Он заметил, что появились новые смородиновые кусты в саду, но исчезли некоторые деревья, огород вроде бы уменьшился, но в целом все было неизменно. У огромного тополя, росшего тут седьмой десяток лет, Кузьма остановился. Было видно, что кто-то пытался срубить дерево или, по крайней мере, для чего-то бил его топором. Хорошо, что у мерзавцев не нашлось пилы. Погладив ствол, Кузьма пошел напрямик в дом под радостный лай Борьки.

Глава вторая

В доме был бардак, но Кузьма не смутился. Порядок он не особо любил – чувствовал, что без него жизни больше. Но Галина всегда все убирала, расставляла по местам, чистила. Видимо, Польша пошла не в нее.

– Поли-ина! – крикнул он протяжно, Борька залаял вновь. Псу не полагалось заходить в дом, но на этот день Кузьма решил сделать исключение.

Он ввалился в спальню, убрал геройскую звезду и медали в шкатулку жены и рухнул на кровать. Борька встал рядом, виляя хвостом.

– Ну, забирайся уж, пройдоха, давай.

Пес запрыгнул на него и продолжил лизаться.

– Ах ты, обормот! Ах ты! – Кузьма трепал пса за загривок, вызывая неистовый восторг, потом все же встал, чтобы осмотреться и найти домашнюю одежду.

В шкафах не было ни вещей Галины, ни его. Нашел только парадный костюм, в котором семнадцать лет назад женился, и больше ничего. Тогда он скинул китель, рубашку, штаны, долго снимал сапоги и портянки, наконец остался в майке и трусах, и лишь сейчас почувствовал себя отчасти свободным от войны.

– Ох! – он выпустил воздух из огромных, пробитых осколками легких. – Я дома!

– Видим, видим, – ответил ему скрипучий голос из коридора.

– Оба-на. Ну-ка, кто здесь?

Кузьма шагнул из залитой солнцем комнаты в тенистый коридор и наткнулся на старика.

– О, дед! А я-то брожу, ищу вас! Где Полина-то?!

– Где-где, в школе.

– А ты чего тут?

– Спал я. Тут слышу, этот дикобраз разлаялся. Пришлось вставать. Ну здравствуй!

– Привет, дед! Спасибо, что присмотрел, – Кузьма обнял старика, который вообще-то приходился ему тестем, но все, даже покойная Галина, звали его «дед».

– Помянем?

Они выпили на кухне.

– Так что произошло? – спросил Кузьма, тяжело вздыхая.

– Никто не знает. Однажды утром заглядываю к ней – лежит. Думаю, отдыхает, устала. Не стал беспокоить – воскресенье, у нее выходной... – Глаза деда стали влажными, но он не заплакал. – В полдень заглядываю, трясусь – лежит, не двигается. Тронул губы – холодные, не дышит. Вызвал врача: говорит, с ночи мертвая. Вот и все.

Кузьма помолчал и спросил:

– То есть не бомба и не пуля?

– Нет. Да какая тут пуля? Ты о чем? – удивился дед.

– Я думал... да так, – Кузьма потер лоб. – Ладно, выдай мне какой-нибудь одежды и веди.

До кладбища был километр – две сигареты ходу в одну сторону. Могилка еще выглядела свежей, хотя и прошло два года. Галина покоилась рядом с матерью, здесь же маленькими холмиками отдыхали родители Кузьмы. Ей выпало лучшее место – в полутра метрах над землей простерлась сосновая лапа, которая не должна была разрастись и достать сюда, но Кузьма с дедом согласились, что спиливать не стоит.

Кузьма обрадовался, что жену охраняет вечно бдительная хвоя, еще подумал, что ни горем, ни лишним воспоминанием ей не поможет. Он знал, что люди умирают на войне. И вскоре стал смотреть не вниз, где, припорошенный иголками, был конечный след его Галины, а прямо перед собой. Дед хмуро наблюдал, как изменяется его лицо, но не подал виду.

Борька терся рядом, скулил.

- Жрать небось хочет.

- Пошли, Борька-пройдоха, поедем.

Вернулись. Кузьма набросал псу тушенки из холодильника, а сам съел макарон по-флотски, которые нашел там же, расспросил про хозяйство и дом. Потом уточнил про Полину:

- Ей же сколько, дед? Уже четырнадцать?

- Пятнадцать.

- Ох, точно, ёшкин кот!.. Когда придет?

- Да кто ее знает. Я особо уже не контролирую.

- Как так? От рук отбилась? Ничего, это мы поправим.

- Не надо, Кузьма. Ей-то потруднее твоего далось.

- Чего далось?

- Ну это, - дед мотнул в сторону улицы, имея в виду Галину могилу, но Кузьма его не понял.

Днем он завалился на кровать, обнял пришедшего поласкаться Борьку и задремал. Со дня отъезда из Одессы его все время тянуло спать, но нынешнее состояние отличалось от того, что он испытывал на войне или в поезде. Из того некрепкого, тревожного сна он выскакивал легко, чувствуя себя отдохнувшим независимо от того, сколько он длился. Мирный же сон тек и тек, но никак не напитывал его силой.

Спал он по-прежнему некрепко, но теперь вставать было труднее раз в десять. Он поднимался, брел в туалет, натыкался на старые и новые предметы (какие-то

помнил, какие-то нет), гремел дверями, потом, не видя ничего от тяжести скопленной усталости, шумно брел обратно в постель, где Борька преданно ждал, высунув язык.

- Сейчас, сейчас, - бормотал Кузьма, обнимая пса, - сейчас встану...

Но вместо этого вновь падал в темную дыру, слышал шум и голоса, которые больше не имели материальной силы. Они продолжали существовать где-то в параллельной реальности, ведь когда он комиссовался, не кончилась ни война, ни осада. И где-то там новые ребята продолжали гибнуть, а он на халяву выскочил из четырехлетнего кошмара, получив белый билет за очередное ранение, но это лишь недоразумение - Серов ошибся, - он должен на самом деле вернуться, обязан вернуться, обязан!..

Кузьма вскочил: «Обязан!» - дом сотрясся от его крика, но только Борька бросился на выручку хозяину. Дед и Полина притихли на кухне. Начинаясь вечер. Стемнело и похолодало. Натянув армейские штаны, Кузьма вышел к своим.

- Поля, - сказал он растерянно. - Как же ты выросла.

Девочка, обратившаяся, оказывается, за эти годы, из пухлого нескладного ребенка в худую высокую девушку, теперь была копией матери. Она коротко подняла от чашки чая водянистые глаза. Борька почему-то гавкнул.

- Тихо ты. Узнаешь меня?..

Кузьма шагнул под лампу, одиноко освещавшую кухню. Дед с тревогой смотрел на него.

- Ну ты чего, доча? - попытался заговорить ласково. - Не признаешь батю?.. Скажи уж чего-нибудь.

- Привет, - шепнула Полина. Борька опять залаял.

- А ну тихо! - рявкнул Кузьма. - Чего говоришь?

Но Полина уже сжалась и умолкла.

- Она его побаивается. Уведи, а? Он же в дом не ходит, - сказал дед.

- Да какого хрена?! Я пса четыре года не видел. Пусть уж посидит тут. Эй, Борян, сидеть!

Борька нехотя сел.

- На, поешь, - Кузьма вывалил ему еще тушенки.

- Слушай, Кузь, мы тут не очень-то богато живем, чтоб пса человеческой едой кормить, - тихо заметил дед.

- Да? Ну теперь-то заживете. Папка вернулся!

Он резко шагнул вперед, Полина поднялась со стула, и он притянул ее к себе, обнял. Девочка сжалась, боясь шевельнуться, но потом осторожно обняла его спину, с трудом соединив за ней руки. Кузьма чувствовал неловкость. Какое-то забытое чувство шелестело в груди, но он не распознавал его. Постепенно нарастало раздражение от неловкости и того, что дед и Борька наблюдают за этой сценой. Кузьма хотел выругаться, но кое-как остановил себя.

- Ладно, забыла, понимаю, - нехотя признал он, не заметив, что Полина едва не плачет. - У меня для тебя подарки.

Сходив в комнату за вещмешком, он вернулся с трофеями: выложил на стол золотые женские часики, инкрустированные какими-то камнями, и пару серег с жемчугом. Полина уставилась на драгоценности, не понимая.

- Ого, - выдохнул дед. - Да это тысяч на двести тянет, а?

- Возможно, - гордо сказал Кузьма. - Сувенирчики. Только тут камушка не хватает.

Он показал на циферблат часов в том месте, где зияла чернота вместо бриллианта.

– Целая история, кстати, – Кузьма сел за стол. – Выменял камушек, понимаешь? На хлеб обменял. Бывали и такие месяцы, Поля.

Она растерянно разглядывала украшения, отодвинулась от стола, встала, выпрямилась.

– Не нравятся? – удивился Кузьма.

Девочка склонила голову. Глядела с осторожностью, как будто готовясь, что ее отчитают, и наконец негромко сказала:

– Мама умерла, ты знал?

– Знал, Поля. Но я же вернулся. Теперь я буду тебя растить...

Казалось, слова растворяются в воздухе и никто его не слушает, поэтому Кузьма замолчал. Кроме тиканья часов, ничего не было слышно.

Полина резко подняла голову и встретилась с ним взглядом, и он вздрогнул, узнавая Галинино лицо, обильно умытое слезами и полное юной, но уже горчащей жизни. Кузьма не поверил своим глазам: это ли не прошлое и это ли не его совсем молодая жена, которую он видит первый-второй раз и о которой только догадывается, что она сделается его женой? Казалось, что она смотрит через время, будто нет ни прошедших лет, ни даже войны со смертью, рассматривает выжидающе его, молодого и не знающего, кто он и куда однажды уйдет, кого разбудит в себе. Он сам не заметил, как поднялся, уставившись на дочь. Борька непонимающе водил мордой с одного человеческого лица на другое.

Кузьма шагнул к ней, раскрыл объятия, но в этот момент сдавленное рыдание вырвалось из Полининой груди коротким спазмом, она вжалась в угол, не сдержала еще два горестных всхлипа, мотая головой, выставляя против него ручки-тростинки, и сделалась тихой, как кукла. Угасающий солнечный свет, просеянный серыми кухонными занавесками, выбелил ее лицо, подчеркнул красоту очертаний. Кузьме стало казаться, что и комната преобразилась, сделалась прекрасной, как картинка, потому что почти все они снова были в сборе, и вот-вот воротится прежний он, живший однажды своей семьей, и все

обнимутся, и счастьем уже не нужен будет свет с улицы.

Дед и Борька сидели неподвижно, ждали. Кузьма пробовал заглянуть в Полино лицо, повернуть его к себе, но она не давалась. Постепенно перестала плакать, посмотрела отстраненно, будто ее тут нет и его нет. Кузьма оставил попытки, и комната стала обычной: душной и чужой. Наконец Полина спокойно сказала:

– Жаль, что ты не приехал тогда.

Губы Кузьмы двинулись беззвучно, он не мог наполнить их голосом.

– Я это, мне нехорошо, – сказала Полина и быстро ушла.

– Поль!.. – крикнул Кузьма, срываясь с места, но почти сразу остановился, дверь за ней закрылась.

Ответа не последовало. Он посмотрел на деда. Не поднимая взгляда от драгоценностей, тот сказал:

– Скучала по тебе. Я не объяснил, наверное, как следует, почему ты не вернулся.

– Не мог я просто бросить все да приехать. Полина! Выйди! – Наваждение прошло, и Кузьма стал чувствовать злобу.

– Оставь ты, не стоит.

Чертыхнувшись, ветеран скомандовал:

– Пошли, Борь, прогуляемся.

Они с псом вышли во двор. Смеркалось. Кузьма долго вслушивался, но в тишине не было никаких звуков, кроме шума моря, бывшего о скалы совсем недалеко, и очень отдаленного рокота машин. Все время он ждал, что раздастся канонада, выстрелы, кто-нибудь закричит от боли или затрепещет над головой вертушка, но в безмятежную прибрежную тишину ничто не вторгалось. Кузьме сделалось не по себе оттого, что ничего не происходит. Он хотел вернуться к Полине,

но не вспомнил пока, как извиняться.

Они вышли с участка, обогнули его по старой рыбацкой тропке и, пройдя недолго меж сосен, очутились на отвесном краю над бухтой. Метрах в двадцати ниже белые гребешки накатывали на камни, выше на север начинался песчаный берег, там вперемешку лежали новые и трухлявые рыбацкие лодки, ждущие отлива.

– Тут лучше, – сказал Кузьма псу. Мерный рев Черного моря обгладывал его слух и понемногу примирял с отсутствием войны.

Время перестало двигаться, и он сидел, не считая минут, пока Борька не поднял лай. Что-то зашумело в кустах. Кузьма насторожился, но потом нащупал на поясе пистолет (он и не помнил, что приладил его снова), и уверенность тут же наполнила руки сталью. Но лай Борьки был дружелюбным: оказалось, что через заросли к ним пробрался дед.

– А, это ты, Петрович? Садись.

Дед молча сел. Кузьма протянул ему сигарету, дал огонь, потом сам закурил.

– Странно. На другом берегу ребята все сидят и курят дрянь.

– Что там сейчас? – поинтересовался дед.

– Как что? Осада... Четвертый год за город воюем, конца не видно. Почти вычистили его от них. Стоит в кольце, но пока в порту наш флот, хрен им, а не город, ясно?.. А что, отсюда вообще ничего не слышать?

Дед покачал головой.

– Эх, за такое курево могут там приплатить изрядно. Хорошее, много табака.

– Слушай, ты с ребенком-то это, поосторожнее. У нее мать... матери больше нет. Ты вроде как бросил, она не понимает, кто ты, чего ты...

– Как это бросил?

- Да так. Ты же не вернулся, когда Галина умерла, а мы ждали...

- Ждали? Ну так у меня там другие дети были, что ж вы такие?!. Ей надо не меня бояться, а америкосов, от которых я вас защищал там... И, это, обижаться не надо. Она не маленькая, должна уж понимать кое-чего. Ты здесь был, а я работал, хорошо работал. Деньги вы получали?

- Получали, Кузьма...

- В тот день, когда мне сообщили про Галину, знаешь, что было?.. Контрнаступление ихнее по вокзалу! От порта нас на другой день отрезали - всё, куда бы я поехал? По нам танки и минометы два дня работали, так что колонны в зале рухнули - мы думали, и крыша обвалится, не могли вообще передвинуться первую неделю, не могли пить, не могли спать. Колонны, понимаешь, гранитные раскололись, как орехи? И это только начало, потом еще девять недель боя...

Кузьма плохо видел в темноте лицо тестя, но чувствовал, что тот ничего не понимает.

- Я как-никак папка ей, буду воспитывать, - озлобленно подвел он черту. - Я только поэтому вернулся. Из-за нее. Так бы остался.

- А ранение? Ты написал, сильно ранен был.

- Да хрен бы с ним, с ранением, - Кузьма махнул рукой. - Пошел бы в другой отряд, откуда бы они знали. Серов, конечно, разозлился бы, когда встретил, но мог же и не встретить. Да и что бы он сделал? Наорал? Да я его вертел, он в настоящем-то бою не был. Врать не стану - мужик хороший, но... Не был с нами в бою.

- Понятно. Ты, в общем, не пугай ее. Мы и так натерпелись.

- Чего вы натерпелись? - усмехнулся Кузьма. - Я бы вам рассказал...

- Не надо, слышишь? Оставь там, понял? Мой батя тоже на войне был, но вернулся и никогда особо не говорил ничего, и тем более не попрекал нас.

– Ну так вся страна в ту войну встала, а сейчас что? Я так понял, про нас не говорит уже никто. Первые годы передачи какие-то приходили, посылочки собирал народ, а теперь в газетах перестали писать – и всё, болт все забили. Как будто ни осады, ни войны. Курим дрянью там...

– Народу тоже несладко. Цены выросли знаешь как? Пенсии ни на чего не хватает.

Кузьма расхохотался.

– Чего ты? – нахмурился дед.

Кузьма продолжал смеяться и стал трепать Борьку за густую шерсть, пес принялся подлизываться, потом упал и начал кататься по земле, наслаждаясь хозяйской рукой.

– Ох, Борька, обалдели люди! Пенсии у них маленькие, – сквозь смех сказал Кузьма. – Я друзей от гусениц там отскребал и мамкам телеграммы сочинял, мол, «простите, что приходится вам сообщать... несмотря на Кишиневские, е-мое, переговоры о перемирии»... а вы тут мне про цены. Что же ты, дед!

– Кузьма, ты мне одно объясни, ладно? – мрачно сказал Петрович, когда тот вроде успокоился и лишь улыбался, покуривая.

– Чего?

– Вы там знали, зачем это? Ну ладно поначалу. Ты ушел. Может, и были обстоятельства. Херсонский котел этот, надо было помогать... Наверное... Потом эта ваша осада Одессы, порыв души, да и заработок шел – все понятно. Но потом... Зачем? Деньги же не такие большие, как я понял? А кем ты стал за четыре года?.. Я же тебя помню...

– Э, дед, лихо ты. В самую суть решил залезть сразу, а? Видно: ничего ты не понимаешь. «Зачем»... Там свой счет. За ребят, за мирных, за русских. Все всё считают, и когда ты уже там, то просто так уйти нельзя. Не посчитавшись. Не мог же я так: «Хоп, контракт закончен, встал и пошел». К тому же потом, когда котел прорвали, то казалось, быстро: завтра Одессу очистим, и все – спета

песня, можно поворачиваться, сам понимаешь куда. – Кузьма снова закурил, задумчиво глядя в черноту моря. – Говорю же, я бы не уехал. Еще четверть города под украми – надо выжимать их. У них за спиной америкосы – так я бы и им прикурить дал с радостью. Но отряд мой... погиб. Можно было пойти в новый. Польку жалко стало. Много ран у меня. Мог уж не вернуться. А хотелось увериться, что она в порядке.

– Она не в порядке.

– Да? А выглядит здоровой. А что с ней? – Кузьма удивленно повернулся к деду.

– Зажатая, молчит почти всегда. Думаешь, только с тобой такая? Не, у ней это... что-то в голове переключилось после матери. Я-то благодаря ней держусь кое-как, а ей на меня опираться трудно, старый же я. Ты бы поговорил с ней по-человечески, только не вздумай о кровище говорить, понял? Оставь это там. – Дед кивнул в сторону черного, пенящегося моря.

– Я уж сам решу, оставлять мне или нет, – угрюмо ответил Кузьма. – А поговорить поговорю, конечно. Затем я и тут. А что, друзей у нее нет?

– Есть один друг. Я так думаю, поклонник. Максим звать.

– Что за Максим? Чей?

– Ходит к нам каждый день, почти живет. Сегодня не пришел, потому что в город ездил продавать, а так благодаря нему дом и не развалился.

– Да чей, я тебя спрашиваю?!

– Не знаю я! Издалека. Сказал, с Кутаиса. Тоже без родителей остался, но он постарше, двадцать ему вроде. Молчаливый тоже, но Полинку любит, я без слов это понимаю.

– Вот как.

– Ты чего, хмуришься? Единственный дочин друг.

- Друг, ну-ну. А ничего, что ей четырнадцать, а ему двадцать, а?

- Пятнадцать ей, - поправил дед.

- Да ты чего, Петрович? Не понимаешь разве?! А если он того ее, обрюхатит?

- Ты, Кузьма, совсем, что ли? У них это, воздушные отношения, да и тихая она больно для этого. Вряд ли они...

- Вряд ли! - прогремел Кузьма, поднялся. - Вот же ты уверенный!

Борька тоже подскочил и залился лаем. Правда, не сообразив, на кого следует лаять, он обратился в сторону моря, которому была безразлична происходящая сцена.

- Сядь...

- Ты мне не командуй! Распустил девку! Ну-ка, где он?

- Ты чего? Очнись! - Дед с трудом поднялся. - Не слышишь, что ли? Он нам по хозяйству помогает. Почти как родной нам стал. Успокойся. Дом твой помогал чинить, пожар тушил, когда какие-то ублюдки подожгли той зимой. Ты знал об этом?

- Нет.

- А откуда тебе знать? Бросил нас тут... Я-то уже не это. Извини, семьдесят лет. Не молодой мужик, чтобы и пахать, и сеять, как говорится. А он здоровый, крепкий...

- Ты мне зубы не заговаривай, - мрачно отрезал Кузьма. - Я уже понял, что он тебе нравится и вместо тебя тут впихивает. Но я с ним потолкую по душам. Где он?

- Не слышишь, что ли? Уехал в город.

- Не верю! На черта он с ночевкой уехал? Где он там спать будет?

- Не знаю. В поле может поспать на обратном пути, сейчас тепло...

- Ясно. Все мне ясно, Петрович. Распустил девку. В дом какого-то хрена пустил. Посмотрим, что он да как. Посмотрим... Борька, пошли!

Кузьма энергично направился обратно к дому. Пес, так и не сообразив, что случилось, трусил следом и радостно махал хвостом – только он по-настоящему, беззаветно радовался, что хозяин дома.

- Ты не прав, – сказал вслед Петрович, но Кузьма не услышал.

Глава третья

Сначала Кузьма перерыл дом в поисках Максима. Напугав дочь, он все-таки уверился, что парня нигде нет. Тогда он сел в засаде на чердаке, перед незанавешенным окошком, откуда было видно большую часть участка от ворот до крыльца, и стал караулить. Пес все время терся рядом. Только когда они ворвались к Полине, он как бы почувствовал неловкость и немного задержался в дверях. «Ищи!» – закричал Кузьма, но Борька не понял, что надо искать, запрыгнул к девочке на кровать и стал подлизываться.

- Папа, мы его сюда не пускаем! Он же грязный, у меня блохи будут! – испуганно сказала Полина. – Уйди, Борька, уйди!

Но пес уже привык быть в доме, а Кузьма рылся в шкафу, потом полез под стол, под кровать. Уходя, сказал Полине, стараясь контролировать гнев:

- Спи. Завтра с тобой обсудим. И это, не хныкай, ты уже большая.

Она не стала спорить.

Кузьма привык не спать. Это было обыденное состояние, в котором он жил ночи напролет. Он почувствовал что-то очень знакомое и понятное, когда обстоятельства вновь сложились так, что надо бодрствовать и ждать приближения врага. Через полчаса к нему поднялся дед, пытался уговорить лечь, но он холодно ответил, не поворачивая головы:

– Уходи. С тобой тоже завтра.

Петрович поворчал, но ушел. Кузьма замер под лунным лучом. Кожа его стала белой, зрачки черными, и он неподвижно сидел, наполовину спрятанный тенями комнаты, наполовину облитый полнолунием. Шумело море, колотилось сердце. Он слушал его, не спал. В осаде было так: часами сидишь, ждешь, высматриваешь врага. Конечно, под лучом сидеть нельзя. Но тут все-таки гражданка, и хотя Кузьма чувствовал себя как накануне боя, он понимал, что прятаться от пацана не надо. Он смотрел на дорогу и ждал. За ночь мимо проехало три машины, потом один раз, уже под утро, по отдаленной трассе прогрохотало что-то – видно, набитая фура; к семи утра машины зачастили.

Кузьма спал с открытыми глазами, но все слышал, запоминал, высчитывал, готовился встать, как только понадобится. Рука неподвижно пролежала на рукоятке пистолета. Он чувствовал, как кровь раз в несколько минут совершает обращение в его теле и вместе с ней ненависть путешествует от сердца к кончикам пальцев, откуда шепотом передает оружию единственное заклятие: «Убей».

Что ему нравилось в ночной службе особенно, во тьме не было никаких посторонних голосов. Никто не пытался остановить его: ни снаружи, ни изнутри. Наружным он всегда мог ответить, что увидел ползущего к позициям укра, а внутренние просто молчали. Днем они, бывало, мучили его: «Не стреляй, там могут быть дети», «Не кидай гранату – вдруг мирные», и тому подобное. Ночью все замолкало, и лишь слово «убей» разрядами тока управляло временем. Властное и спокойное – оно не кричало, но у него имелась цена.

Часов в восемь утра к дому подъехала машина. Вышел здоровый парень и отворил ворота. Он завел машину на пяточок в углу участка и долго ковырялся в багажнике, набирая что-то в огромную наплечную сумку. Кузьма видел не очень хорошо – мешали ветки и легкий туман. Он отметил, что у парня крепкие накачанные руки и ноги, нет пуза, но грудь пока мальчишеская, неразвитая. Одет он был по-простому, в белую майку и синие, пожившие свое

джинсы, на ногах рваные кроссовки. Лица было не разглядеть издали.

Борька проснулся, выглянул в окно и радостно гавкнул. Хотя парень не обернулся, продолжив копаться в багажнике, Кузьма схватил пса за загривок, притянул к себе и громко прошептал.

- Так, Борян, сейчас не испорти мне тут. Команды помнишь?

Пес испуганно заскулил, когда Кузьма схватил его за шкуру.

- Помнишь? Умри! Ну?

Пес не сразу понял.

- Умер, Борька, умер! - шипел Кузьма.

Тут пес вспомнил и повалился на бок, вопросительно глядя на хозяина.

- Молодца. Так и лежи.

Пес скулил, но больше не гавкал и не вставал, хотя видно было, что ему смертельно хочется полаять для приехавшего.

- Сука, пса моего приручил, - пробурчал Кузьма, продолжая на всякий случай держать одну руку на Борькином брюхе.

Наконец Максим захлопнул багажник, зашагал к дому. Кузьма изучил его походку. Обычный парень. Может быть, он бы ему даже понравился, кабы не эта история с Полиной. Таких пацанов было немало во время осады: пошедшие на контракт после срочки ребята со всей страны. Лицо простое, немного суровое от ранней усталости, но светлое, открытое, даже, пожалуй, чем-то парень был похож на самого Кузьму.

- Ладно. Лежи тут.

Кузьма выбрался из чердачного окна, оттуда слез на крышу первого этажа и встал в полный рост. Парень не сразу заметил его, но когда заметил, остановился.

- Здравствуйте, - сказал он, подтягивая ремень сумки.

Не ответив, Кузьма прыгнул на землю и приблизился.

- Ну здорова, коль не шутишь. Чей это ты?

- А Роман Петрович не рассказал?

- Ты мне тут не Роман Петровича вспоминай, а на вопрос отвечай.

- Я ничей.

Установилась тишина. У парня были маленькие васильковые глаза, выгоревшие белые брови, щеки покрыты оспинами, сухие прямые волосы песочного, почти белого цвета. Ощущалось, что в нем дышит молодая, легко доставшаяся сила. Но на подобное Кузьма насмотрелся немало - он знал, что и такая сила побеждается, убивается легко.

- Ты ж не с Края?

- Не, я с Кутаиса.

- Далече забрался. А из семьи-то какой? Или сирота?

- Пенкин моя фамилия. - Парень скинул сумку и подвигал уставшим плечом. - Сейчас сирота. Папа уехал в добровольцы, мать умерла.

- Прямо как у Полинки моей, получается, - Кузьма удивился.

- Ну да.

- Ты мне не «нудакай».

- Не понял? - Парень нахмурился. - Вы же Кузьма Антонович, так?

- Так-то так, а вот кто ты и какого черта на моей земле делаешь, я не знаю.

- А, я понял, - сказал парень и замолчал.

- Ничего ты не понял. Так где твой отец?

- Как где? Погиб.

- Понятно. В каком батальоне был, знаешь?

- В этих, - парень поморщил лоб и почесал голову, - в «Вихре», что ли, как-то так называлось.

- Был такой «Вихрь», знал оттуда ребят, - согласился Кузьма, сиюсь вспомнить фамилию «Пенкин», но безуспешно. - Короче, так. Что ты с моей дочкой устраиваешь?

- Устраиваю? Ничего.

- А что краснеешь? - Кузьма почувствовал, как гнев охватывает его.

- Не краснею я! - Парень впервые отвел взгляд, чем еще больше разозлил хозяина.

- Папа, перестань! - услышал он.

- А ну ушли!

На пороге стоял Петрович, рядом жалась Полина.

- Ушли быстро, я сказал!

Полина попятилась в дом, тесть остался на месте.

- Кузьма, он наш. Перестань уже.

- Мы толкуем, не видишь? Потолкуем и придем, - с трудом пряча ярость, сказал Кузьма. - Идите завтрак готовьте и кофе. Я не спал всю ночь. Ждал вот Максимку, хотел познакомиться. Мы же просто говорим, так? - Он повернулся к парню. - Чего кулачонки-то сжал свои? Просто же говорим, так? Ну, скажи им.

- Просто говорим, - угрюмо повторил Максим после паузы. - Полина, сделай мне тоже кофе, пожалуйста.

Девочка постояла еще пару секунд, потом исчезла в доме. Петрович не двинулся с места, но Кузьма не стал обращать на него внимания.

- Ну, будем знакомы, - процедил он и протянул парню лапу для рукопожатия. Тот ответил. Кузьма сдавил ладонь Максима, но несильно. Тот никак не отреагировал.

- В общем, так. Сюда больше не ходишь, понятно? Дом у тебя есть? Вот там и живи. Когда подрастет, то, если надумаешь свататься, приходи. А жить у меня тут не надо.

- Кузьма! - воскликнул Петрович.

- Так, тихо там! И еще. Если узнаю, что ты ее это... то пеняй на себя, понял? А я узнаю.

Максим кивнул. Он смотрел на Кузьму с ненавистью, но молчал, желваки часто двигались.

- Ну? Чего тарачишься? Скажешь сам, может?

- Нечего говорить, - чуть слышно пробормотал парень. Было видно, что он говорит сдавленно не от страха.

- То есть ничего не было, да?

- Да.

Они долго молчали. Кузьма не боялся ничьей злости. Он знал, что ни один гражданский не ведает и половины той ненавидящей силы, что таится в людях. Но ему уже не было смешно.

- А теперь разворачивайся и иди, понял? Ау. Я кому сказал!

Парень врос в землю и не двигался.

- Дайте с ней попрощаюсь, - процедил он наконец.

- Это зачем это?

Максим молчал.

- Любишь, что ль? Ну? Язык проглотил?

- Да, - чуть слышно буркнул парень. - Думаю, что люблю.

Кузьме стало снова смешно.

- Ну, любовь зла. Будешь ждать, - объявил он и мягко похлопал парня по плечу. Тот сорвал его руку. Кузьма ответил молниеносным ударом левой, более слабой руки под дых. У парня был неплохой пресс, но мощь свинцового кулака легко пробила его и Максим присел на колено, хватая ртом воздух.

- Покашляй, покашляй, - спокойно сказал Кузьма, глядя сверху вниз.

Он отвернулся и спокойно, не торопясь, пошел в дом. Решил, что если парень побежит за ним, то придется убить его: один удар ножом в сердце. Однако Максим поднялся, глянул на деда, тот покачал головой, и тогда парень побрел к машине.

Потом Кузьма с Петровичем пили кофе вдвоем в тишине. Полина не вышла, несмотря на уговоры.

– Поплачет и успокоится, – беспечно отмахнулся Кузьма. – Что я, не знаю, что ли? Это сейчас обидно, а через месяц забудет, как звали. Понимаешь, дед, я насмотрелся, наслушался, хватит с меня. Я только для этого и приехал. Сделать одну вещь нормально – воспитание. И вообще. Ты вот смотришь, а сам скажи – если бы Гальку стал домогаться такой вот типчик, ты бы чего? Сидел на печке и в носу ковырял, а?.. Чего молчишь? Если бы трахал дочку твою?..

– Угомонись ты! Перестань про это говорить, – разозлился дед. – Я, по-твоему, слепой? Я следил, чтобы все нормально у них было. Да и Полина не такая, спасибо матери ее скажи.

– Ладно, верю. А, то есть мне спасибо не надо?

– А где ты был? – искренне удивился Петрович. – В самые трудные годы свалил. Нет уж, папаша, извини, но пока тут заслуги твоей мало.

– Ничего, подрастет, выдам замуж. Держать не буду. Но я и правда хотел, чтобы как лучше. Веришь мне, Борька?

Он потрепал пса за ухом, и тот радостно гавкнул.

– Уберешь ты его из дома, наконец?

– Да, пора бы и сторожить начинать, Борь. Порадовались мы с тобой встрече. И ладно.

Кузьма вышел во двор и определил Борьку в потемневшую от времени конуру.

– Срублю тебе новую, – пообещал он и занялся этим в тот же день, как немного отоспался.

Пару дней у Кузьмы заняло сооружение нового дома для пса. Это уже была не вполне конура: высотой в пол-этажа, просторная, с двумя большими окнами, она смотрелась как маленькая веранда; внутрь он навалил свежей соломы, тщательно заткнул все щели ватой и проконопатил крышу. Потом взялся за крышу основного дома и неделю возился с ней. Попутно соорудил себе гамак в саду, а возле – небольшой кофейный столик. Подле ложился Борька, и Кузьма

рассказывал ему анекдоты и нестрашные истории про свои военные приключения, после чего сладко засыпал на свежем воздухе.

Все это время Полина не разговаривала с отцом, и он легко оставил попытки с ней подружиться. Раз, другой принес подарки: платье, конфеты, которые она любила в детстве, – но ничего не помогло. Тогда Кузьма подумал, что время еще есть, ведь чувствовал себя он прекрасно, никаких признаков скорой смерти. Значит, и с дочерью успеет наладиться.

Через пару недель ветерану наскучили строительные заботы. Он взялся за сооружение новой бани, более приличного забора, планировал заняться и внутренним убранством дома, половина которого пустовала (когда-то они сдавали одну-две комнаты туристам, но дед заявил, что больше не хочет ни за кем прибираться), но уже к концу второй недели странное чувство посетило его. Это была не лень, но ощущение незначительности всего происходящего. Единственное по-настоящему важное дело осталось позади, и Кузьма не знал, к чему себя приладить.

Глава четвертая

Однажды, отправившись с Борькой на прогулку вдоль берега, он наткнулся на мужчину, который с первого взгляда показался знакомым. Кузьма присмотрелся, но, хоть и имел хорошую память на лица, не смог его вспомнить. Борька тоже заинтересовался незнакомцем и весело побежал его обнюхивать. Мужичок был маленький, с по-мальчишечьи узкими плечами, однако было заметно, что мускулатура у него хорошо развита и, несмотря на обросшее, потертое лицо, выглядел он нестарым и еще крепким.

– Ох, ты ж старый пердунишка, – сказал Кузьма, оттаскивая пса, – уже бы тебе на покой пора, а ты все скачешь, как лось.

– Добрый пес, – заметил мужичок.

– Да уж. Хороший, главное, верный.

- Это точно. Верность – главное, – признал незнакомец и повернулся к морю. Оно билось об острые камни, но сильно не доставало до того валуна, на котором он восседал.

- Смотри не засидись – смует вечером, – посоветовал Кузьма.

- Да, я знаю.

- Знаешь? А сам откуда? Что-то я не видал тебя раньше.

- С Джанхота.

- Ого, – Кузьма уважительно присвистнул. – Далече. Куришь? Однако забрался ты.

Закурили.

- Не думал. Сел и поехал, – сказал мужичок.

- На чем?

- Да вон, – он, не оборачиваясь, махнул рукой в сторону, и Кузьма увидел под кустами велосипед.

- А-а. Серьезно. Сорок кэмэ промотал?

Незнакомец усмехнулся и повернулся к Кузьме, чтобы осмотреть его с головы до ног.

- С какого батальона? – спросил он, превращая усмешку в улыбку.

- «Смерч», а сам?

- В одесской милиции работал. С добровольцами оказался, когда началось. Не приписанный ни к кому.

– А что в Джанхоте забыл? – удивился Кузьма.

– Сам как думаешь? – снова отвернувшись к морю, отозвался мужичок. – Ранили. Теперь голова всегда болит. Списан по негодности, уехал к сестре... она там, с мужем.

– Понятно. Кузьма.

– Павел.

Они пожали друг другу руки. Снова говорило лишь море, мужчины некоторое время нащупывали тему.

– А ты чего со «Смерча» уехал? Твои там вроде были в почете.

– У кого?

– У всех. Народ особо не грабили, воевали, вокзал брали... Слышал, у вас такой командир был, что всех в узде держал, даже когда другие беспределили.

– Был-был. Царствие ему небесное. Пока не сплыл, – Кузьма сплюнул. Он не хотел вспоминать. – Всех этот чертов вокзал забрал. – Кузьма выбросил одну сигарету и тут же закурил следующую. – Почти всех, – добавил он.

– Да, мясорубка там была.

– А то. Мы первые пришли. Но взяли же. Не с первого раза, но взяли. А потом удержали...

– Сколько вас вышло?

– Мало.

Кузьма открыл было рот, чтобы сказать еще, но толпа людей, погибших в упорных боях, то утихавших, то разгоравшихся, встала перед его глазами, и он подавился черным комком обиды.

- Думаешь об этом?

- Нет.

- Не о них. О том, почему сам не?

- Может, и думаю, не знаю.

- Все думают, - уверенно сказал Павел. Помолчав, добавил: - Хороший пес. У нас тоже был в участке пес. Меня больше всех любил. Жаль, не смог забрать с собой.

- А что с ним?

- Да хрен его знает. Писем не пишет.

Теперь Кузьма понял: мужичок показался ему знакомым, потому что у всех прошедших эту войну был общий отпечаток стыда, разочарования и гнева. Особенно гнева - на огромный безмолвный народ, который они пошли защищать на передовую.

- Выпьем? - предложил Кузьма.

- Пошли, - согласился Павел.

Они отправились в дом Кузьмы, закрылись в одной из комнат, которая уже несколько лет была никому не нужна, и принялись пить и разговаривать. Так пролетело дня три. Петрович иногда стучал и проверял, живы ли, но всякий раз находил хозяина и гостя угрюмыми, раздраженными и напряженно продолжающими напиваться. Либо спящими.

На четвертый день Павел вдруг встал и уехал в свой поселок. Но уже в конце недели он вернулся не один, а еще с двумя ветеранами - ополченцем и русским молодым парнем. Провели они на войне почти одинаковое время: Кузьма и Павел - по четыре года, Егор и Никита - по три с половиной. Когда еще через пару дней к ним присоединился пятый, хозяин сказал, что комната тесновата для такой большой компании и что он беспокоится за дочь, и поэтому всей толпой они отправились искать новое место, и, как ни странно, быстро нашли.

Оказалось, пункт сбора рыбаков, к северу от Края, забросили, пока шла война. Пятеро ветеранов быстро обжили ветхий бревенчатый домик.

Они стали собираться несколько раз в неделю, редко сговариваясь о времени. Обычно первым приходил Кузьма, поскольку жил ближе всех. Он мог прийти сразу после обеда и, посадив Борьку сторожить, усесться за огромным обеденным столом в ожидании остальных. Следом приезжал на дребезжащем велосипеде бывший милиционер Павел, а за ним остальные. Часам к семи все бывали в сборе.

У посиделок не было темы или повода. Мужчины не пытались себя развлечь. Иногда могли просто сидеть и ждать, пока стемнеет. Потом, когда ложилась тьма, им волей-неволей приходилось начать общаться, чтобы, по крайней мере, зажечь керосинку. Но когда скупой свет падал на лица, молчание возвращалось. Иногда Егор приносил гитару и брэнчал, иногда Павел являлся с нардами и играл с кем-нибудь. Но все это было лишь способом чуть отвлечься от любимого совместного безмолвия.

– Я представлял приезд с войны сюда не так, – признался однажды Павел, когда в очередной раз стемнело и только лампа грела их лица. Все посмотрели на него с удивлением, хотя каждый думал примерно о том же.

– Я тоже! – воскликнул Егор.

– И я, – сказал Никита.

– И я, – подхватил пятый, которого звали Петр.

– А ты, Кузьма?

– Ничего. А что?

– Мне казалось, – начал медленно Павел, – что это будет похоже на то, как возвращались деды с Великой Отечественной. Вроде как с той же заразой дрались и пришли победителями.

– Но мы-то не победили еще, – напомнил Кузьма.

- В том-то и дело. Но и не проиграли. Не им нас судить, но почему они нас не встречают так же, как тех? Вот ты, Кузьма, разве не хотел бы, чтобы дочь бросилась на шею, цветы подарила, поцеловала?

- Не знаю, не думал об этом.

- Это потому что время другое, - заметил Егор, сидевший в дальнем углу, где его покрытого шрамами лица не было видно.

- А в чем разница?

- Да как же, Паш. Все другое: и мы, и люди в тылу.

- А враг тот же, - вставил Никита.

Снова помолчали, Егор в своем темном углу разлил по стаканам водку. Выпили, закурили.

- На самом деле им просто не говорят о враге, вот и все, - с горечью продолжил Павел. - Ведь мы все это знаем. Было нужно - все помнили. А потом по телеку бросили говорить - и нас там как бы больше и нет! Хотя вы за них же туда и поехали! Вам разве не обидно? Мне за вас обидно больше, чем вам самим! Я-то тамошний, ко мне поневоле война пришла. Но вы-то выбрали. Вам честь за это надо отдать.

- Угомонись, Паш. Расчет получили и свободны, - сказал Никита. Он был молодой, поэтому даже сейчас смог посмеяться.

- А, вот ты как поёшь?! Так ты наемник? - Кузьма не на шутку разозлился.

- А ты, стало быть, нет? Деньги не получал?

- Получал! Но я туда не за деньги пошел.

Никита пожал плечами. Ему было двадцать четыре, ни детей, ни жены. Если бы не оторванная во время осады рука, воевал бы до сих пор. Он поглядел на свой новенький протез и сказал:

– Видишь, за что я пошел? Десять тысяч долларов. Думаешь, у меня такие деньги были когда-то? Я даже и сосчитать бы столько не смог. В рублях, – уточнил он, улыбаясь. – А теперь могу себе позволить такую штуку, и не одну! У дедов-то, поди, не было.

Но никто не понял шутки, и молчание, сделавшееся мрачным, затянулось.

– Скучно с вами, – вдруг сообщил Кузьма, поднимаясь после очередной рюмки. – Хочу развлечься.

– Развлекайся, никто ж не запрещает, – заметил Никита.

Кузьма вышел и зашагал к машине. Он еще сам не понял, что собирается сделать. Открыв багажник, нашел канистру с бензином и отправился к морю. Здесь он облил несколько лодок и поджег. Огонь занялся не сразу, Кузьма заставлял пламя разгореться. Но вот сырое дерево вспыхнуло и очень быстро выгорело. Борька испуганно жался к ногам хозяина.

– Ты уж разбушевался тут, да? – спросил подошедший Павел.

– Не. Хотелось что-то сделать.

– И как, веселее стало?

– Немного.

На самом деле Кузьма почувствовал себя гораздо лучше.

– Так дело не пойдет, – сказал он, – сидим как старые пердуны. Молчим.

– Надо что-то делать!

– Зачем? – пытался понять Павел.

– Я вот умираю от скуки!

- Так иди работай.

- Да к черту работу! У меня есть пока деньги, еще успею наработать. Мне еще хозяйство поднимать. А пока хочу что-то полезное сделать, и веселое!

- Ну тогда веселись, кто не дает.

- Кстати, насчет денег. Надо бы с Саньком потолковать. Сходишь со мной?

- А кто это, Санек?

- Друг старинный. Мы до войны кафешку держали на набережной. Узнаем, как там она. Может, как раз и работу тебе организую! - Он хлопнул Павла по плечу.

Лодки прогорели, черноморская ночь снова скрывала лица, слабый серебристый полумесяц лишь изредка показывался из-за облаков.

- Схожу, если надо. Но я работать тоже не хочу. У меня пенсия.

- А кто платит?

- Как кто, - Павел пожал плечами и улыбнулся. - Русские платят.

- Видишь, тебя не забыли.

- Да брось. Знаешь же, о чем я. На людей посмотри. Как они косятся на нас. Как будто это не мы их защищали от укров и америкосов.

- Дураки, что с них взять, - добродушно ответил Кузьма. - Я вот стараюсь не злиться и тебе не советую. Знаешь, мне еще мой отец объяснял: каждый понимает столько, сколько ему Боженька мозгов отмерил. Вот мы с тобой понимаем, а они... - Он развел руками. - Но ты же не бесишься на пса, что он пес?

- Борька твой поумнее многих, - мрачно заметил Павел. Поняв, что речь о нем, пес залился радостным лаем.

– А вот что было бы, если бы мы туда не пошли, а? Ты думай чаще об этом, тебе станет легче, – посоветовал Кузьма.

– Тебе самому легче от этого?

– Просто думай. Вот увидишь. Я как представляю, что здесь стоит американский флот и какие-нибудь укро-немцы наших баб лапают, мне сразу... ровнее дышится как-то. Мы их не пустили!.. Не будет такого. Слышали? Не будет!!! – проорал Кузьма, поворачиваясь к черному морю. Волны мерно гремели, поглощая их разговор.

Глава пятая

На другой день Павел с утра приехал к дому Кузьмы на велосипеде. Тот только проснулся и выглянул в окно. На часах было начало восьмого, солнце уже начинало припекать, лето было совсем близко.

– Как ты на этой железке ездешь? Еще и в такую даль.

– Не знаю. Не спалось вчера. Сел и поехал, пока темно.

– Это хорошо, что ты уже здесь, – сказал Кузьма.

Хотя он был уверен, что привезенных с войны денег хватит еще минимум на год, а если начнут платить обещанную военную пенсию, то и вовсе не придется работать. С тем, как дела у их с Саньком кафе, желательно было разобраться. Просто он ленился идти к нему один. А при зрителях – вот хоть при Паше – все было проще.

– Заходи, позавтракаем.

На кухне уже сидели Полина и Петрович. Едва появился отец, девочка встала и пошла в свою комнату.

– Так, стоять! – громыхнул Кузьма. Полина испуганно обернулась. – У нас вообще-то гость! Чего молчишь? Видишь, нет?

– Вижу, – пискнула Полина.

– Вот и поздоровайся. Давно не видала Пашку-то. Сколько мы уже не приходили?

– Здрасьте, дядь Паш.

– Здравствуй, Поля, как учеба?

– Хорошо. Скоро экзамены только.

– ЕГЭ?

– Нет пока. ОГЭ.

– Понятно. Ну, учись хорошо, радуй папу.

– Я стараюсь.

Снова воцарилось молчание. Кузьма недовольно посмотрел на дочь, но по ее зажатому виду было ясно, что большего из нее не выдавить.

– Ладно, иди.

Девочка ушла к себе.

– Дети, – виновато улыбнулся Кузьма, усаживаясь за стол.

– Начни уже с ней нормально общаться, – посоветовал Петрович.

– Не учи меня, дед. Видишь, пытаюсь? А у ней будто заноза, ходит недовольная вечно, сжавшаяся, унылая... жуть! Что ей не так-то?

- Сам знаешь. - Дед поднялся и пошел к себе.

- Ушли, блин... А завтрак?

- Приготовь себе, - сказал старик из коридора. Скрипнула и закрылась дверь.

- Вот об этом отношении я и говорю, - заметил Павел.

- На дураков обижаться - себя не уважать, - отозвался Кузьма, делая вид, что всё в порядке. - Нравится с постными минами ходить - ради бога!

Он приготовил яичницу и кофе, и после завтрака поехали на старых «жигулях» в центр Края, где находилась небольшая туристическая зона, включающая пешеходную набережную и галечный пляж. Часть набережной была густо застроена ларьками и магазинчиками, но большинство стояли закрытыми.

- Вот-вот сезон, - сказал Кузьма. - Но что-то не торопятся открыться. Наверное, особо не едет народ, Крым же теперь. Ну так правильно, все в Крым пускай едут, я тоже так считаю. Но сюда и раньше не сильно ездили. Впрочем, у нас с Саней все должно нормально идти. У нас же было это, ноу-хау. Знаешь такое?

Павел кивнул.

- Переводится: «знаю как»! Я тоже не знал - это Санька все. Любил заграничные слова... Только вот не пойму, где она. Обычно отсюда уже слышно.

- Кого?

- Скоро узнаешь. Только, видать, он нашу кафеху-то переставил.

Через некоторое время они нашли кафе на колесах, и Кузьма театрально воскликнул:

- Ха, как в воду глядел! Переставил! Санек!

- Закрыто, - сказал Павел.

Кузьма принялся было дергать ставни на окнах, но забряцали тяжелые замки.

- Гляди-ка, и правда еще не открылся. Обычно в это время уже сезоним! Потерял Санек хватку!

В этот момент появился Санек. Он выглядел совсем не так, как его запомнил Кузьма. Пожалуй, если бы Борька не залаял и не бросился в его объятия, и не признал бы. Санек постарел, сделался худым как скелет. Одет был в потасканную пыльную кожанку и черные джинсы. Его волосы и щетину тронула седина, более заметная, чем у поседевшего на войне Кузьмы.

- Привет, - сказал Санек, когда Борька немного успокоился.

- Здорово! А чего я не слышу криков? Она у тебя где, спит?!

- Она? А, ты про Ритку, - Саня почти улыбнулся, но потом глаза снова заволокла скука. - Померла еще пару лет назад.

- Черт!.. А чего ты не написал?

Санек почесал голову.

- Да что тут писать-то и куда?

- И то верно. Когда открываемся?

- Никогда.

- Как так? - опешил Кузьма.

- Пошли поговорим.

- Тут говори!

Они стояли посреди пешеходной зоны, но вокруг почти никого не было, туристы пока не приехали. На них с любопытством посматривали хозяева окрестных

точек и малочисленные прохожие. Почти все знали друг друга в лицо.

- Давай хоть с дороги сойдем.

Опустив голову и сунув руки в карманы, Санек прошел к ступенькам, которые вели к набережной и потом ниже, к пляжу. Кузьма заметил, что друг подволакивает левую ногу. Санек сел и закурил. Борька все терся рядом, но нетерпение слишком одолевало Кузьму, и он отстранил пса.

- Тебя не узнать! Рассказывай, что случилось. Как умерла Ритка? ...Это попугай наш, - пояснил он Павлу. - Санек придумал. Поэтому и название - «Попугай». Хорошая идея была... Только я не понял, Сань, как он мог умереть? Они же писали, такие четыреста лет живут.

Санек усмехнулся.

- Где-то живут, да не в наших широтах. Была зима холодная, кто-то забыл окно закрыть, она простудилась да сдохла.

- Кто-то?! Ты один живешь!

- А, ну можешь и на меня свалить.

- погоди, я не сваливаю, но ты так говоришь, будто кто еще мог! А если да, то давай предъявим ему! Триста евро платили!

- Кузьма, я кафе продал. Она уже при новых хозяевах померла. Твоя доля у меня до сих пор. Отдам - только скажи.

- Вот это новость. Ну, я в принципе догадывался, - Кузьма почесал щетину, скрывая растерянность. - По твоему унылому виду. Но, может, расскажешь?

- Дело не шло. Как ты уехал, сезоны хуже и хуже. Я и продал на второй год.

- А кому продал?

– Да кому-кому... вон, чертям, – Санек со вздохом махнул рукой в сторону каких-то кавказцев, которые с интересом разглядывали трех мужчин и собаку.

– Этим?! – Кузьма перевел изумленные глаза на бывшего партнера.

– А кому? Денег нет ни у кого. Я три месяца продавал! Никто из наших не пришел. Был какой-то мужик со Ставрополя, типа инвестор. Заехал, посмотрел, обещал купить и не приехал больше. Я месяц ждал, два... ну и все, продал им вот. За четыреста.

– За четыреста?! – Кузьма почти на минуту потерял дар речи и стал изумленно оглядываться в поисках поддержки. Думая, что хозяин играет, весело залаял Борька, Павел стоял безучастно.

– С ума сошел? – воскликнул Кузьма. – Она в сезон пятьсот делала!

– Знаю! Но сейчас ни черта не сделает! Я ж не дурак, Кузь. Хотел как лучше.

– Обалдеть... – Кузьма взялся за голову, – вот это новость! То есть мы и без дела, и без бабок!

– Выходит, так. Но твои двести у меня на счету. Напиши свой номер, я отдам...

– Стоп, что ты мне рассказываешь! Если ты продал, что тут делаешь?

– В смысле?

– Ну, зачем пришел, раз продал еще два года назад?

Санек непонимающе смотрел на него, потом сообразил:

– А, так... по привычке хожу. Сам не знаю зачем. Смотрю просто, вспоминаю...

– И на что живешь?

– Медом торгую. Я теперь как этот... ну короче, пасечник.

- Пасечник, – растерянно повторил Кузьма. – А я?
- А чего ты?
- Ну, а я кто?
- Не знаю, Кузьма.
- То есть меня ты в дело не берешь?
- А ты хочешь медом заниматься? – удивился Санек.
- Мы же партнеры, я тебе денег давал.
- Ну и я тебе давал. – Санек поднялся, опять закурил. – Слушай, Кузь. Твою долю я сохранил. Но в этом деле я, пожалуй, один обойдусь, понимаешь?
- Не понимаю!
- Ладно, пошли, – вздохнул Павел, которому сделалось все ясно.
- Чего пошли?! Я тут не закончил!
- Я тебе по дороге объясню, пошли...
- А ну, погоди! Так, Сань, разъясни: я оставлял тебя с нашим делом, ты его продал – ну ладно. А теперь, получается, даешь мне расчет и отправляешь к черту?! Ты же со мной не советовался даже.
- Толку с тобой советоваться? – Санек разозлился. – Ты бы вернулся помогать? Одному, знаешь, не особо просто все тянуть.
- Ты мне зубы не заговаривай, – Кузьма схватил Санька за рукав и притянул к себе – тот оказался легким, как соломенное пугало. – Почему это ты со мной дела иметь не хочешь?

– Да зачем ты мне нужен? – в голосе Санька наконец прорезалась твердость, а в глазах что-то вспыхнуло, он начал пытаться вырваться. – Ты мне и раньше не был нужен-то! Да и с Риткой я придумал.

– Опа! Только что жаловался, что, бедный, один остался!

– А ты бы поотбивался от сраных чертей! – Санек наконец освободился. – Вон, поди, быкани на них, похватай за одежду! Посмотрим, сколько их соберется тебя убивать! Их тут целая армия теперь!

– А, так ты испугался? Так и говори! Давай я парней соберу да и отобьем у них...

– Нет, я все честно продал, даже налоги заплатил. Теперь медом торгую, мне хватает. Ладно, бывай. Захочешь нормально поговорить – приезжай.

– Так, стоять, – сказал Кузьма злобно. – Паша, у тебя телефон есть? Вот, обменяйтесь номерками. Паша за тобой присмотрит, договорились? Если что, будет защищать.

Санек без охоты согласился, дал Павлу свой номер. Потом заковылял прочь.

– Ну ты видел?! – воскликнул Кузьма с нервной улыбкой. – Вот поэтому я тебя и взял – будешь свидетелем, как обходятся с нами гражданские!

Павел скептически смотрел на него, сложив руки на груди. У него было лицо человека, который давно не ожидает от жизни ничего хорошего, и произошедшее лишь легло новым доказательством в копилку.

– Что думаешь?

– Всё по делу. Ты уехал – он продал.

– А-а, вот ты как, – с обидой заметил Кузьма. – Я вот так не считаю. Вместе лямку тянули, вместе придумывали и делали.

– Тогда, получается, не надо было тебе уезжать.

В ответ Кузьма лишь отмахнулся. Принялся нервно ходить туда-сюда. Он чувствовал в себе силу, мощь, но почему-то все, к чему он прикасался по возвращении, сразу безвольно сдавалось, хотело сбежать от него, словно было слишком слабым.

- Мы с ним еще не закончили! - сказал он, немного успокоившись.

- Дело твое, но Саня вроде нормальный. Думаю, стоит забрать у него деньги и пусть делает что хочет.

- Ты забери, - Кузьма махнул рукой, - меня сейчас это мало...

Павел постоял в нерешительности, потом согласился:

- Ладно, схожу.

Он стал звонить Саньку, чтобы спросить дорогу, а Кузьма с Борькой прошли немного вдоль набережной. Люди с любопытством и опаской разглядывали их.

- Вот они, люди... Ну что, Борька? Устал, проголодался?

Борька гавкнул.

- Тогда пошли, куплю тебе кость баранью.

В этот момент он заметил поодаль странное движение и переменял планы.

- Эй, вы чего там?! - окликнул он трех кавказцев, говоривших с девушкой. Они держались от нее на почтительном расстоянии и общались спокойно, с улыбками, но Кузьме все равно не понравилось происходящее.

- Ничего, брат, общаемся, - ответил старший.

Кузьма и Борька подошли к ним. Девушка явно была не местной - и совсем юной, наверное, немногим старше Полины, блондинка с огромными карими глазами, румяными щеками. С первого взгляда, по выражению лица, движениям, мимике

Кузьма понял, что девушку переполняет жизнь и энергия, поэтому сразу забеспокоился о ее судьбе.

– Общаетесь? О чем вам с ней общаться? Ну-ка, отойдите немного, не толпитесь. Девушка, здравствуйте, вас как зовут, какими судьбами в Крае?

– Я Катя, журналист! – ответила девушка и энергично пожала Кузьме руку. От неожиданности он даже опустил взгляд на свою огромную грубую ладонь, в которой ненадолго скрылась белоснежная девичья кисть.

– Вас не обижают тут? – Он сурово глядел на кавказцев.

– Нет-нет, я из Москвы приехала только что, ребята мне как раз объясняли, где тут снять комнату.

– Комнату? У них? Не советую, тараканов в Москву себе навезете.

– Эй, брат, зачем так говоришь, а?

– Кто тебе тут брат? – строго, но спокойно уточнил Кузьма.

– А может, есть без тараканов? – испуганно спросила журналистка и перевела взгляд с Кузьмы на кавказцев.

– Конечно, есть, не слушайте его! – сказал самый молодой, – комната чистая, евроремонт...

Но Кузьма придвинулся к Кате ближе и доверительно проговорил:

– Нет, так не пойдет, советую вам гостиницу. Самая лучшая у нас – «Русалочка», у моря стоит, я провожу.

– Хорошо, – согласилась она, поколебавшись. – Извините, ребята.

Девушка улыбнулась, и все четверо мужчин почувствовали себя настолько счастливыми, что потенциальный конфликт так и не разразился. Когда же

затмение красотой стало проходить, Катя, Кузьма и Борька были слишком далеко, чтобы догонять их.

- Славные ребята, воспитанные, - сказала журналистка.

- Эти? С ними надо ухо остро держать. Эй, Борька, ко мне!

- Какой прекрасный пес!

Катя опустилась на корточки и принялась гладить Борьку. Тот вначале обнюхивал ее с недоверием - от девушки пахло духами и косметикой, - но постепенно привык и завилял хвостом.

- Да, это мой Борька. Дождлся. Хоть он, - пробормотал Кузьма.

Катя пару минут знакомилась с Борькой.

- Немного не собачье имя, но просто отличный пес!

- Не собачье? А чье же?

- Ну... даже не знаю, - она сильно смутилась. - Я бы скорее ждала, что так хрюшку будут звать.

- Свинью?!

- Да я шучу, - Катя засмеялась, и Кузьма ответил невольным смехом: сопротивляться ее улыбке было действительно невозможно. - Наоборот, очень человеческое имя. А почему он вас ждал? Вы уезжали?

- Уезжал по работе.

- Далеко?

- Про осаду Одессы слышали? Вот туда.

– Туда-а? – Катя остановилась посреди дороги. – Так я поэтому здесь! Я вас и искала, получается!

– Меня?

– Ну да! Ветерана этой войны! Мне дали несколько адресов в Минобороны, неофициально, сказали, можно попробовать отсюда. Я хочу написать об этом большой материал!

– Об Одессе?

– Вообще о гибридной войне.

– О какой-какой войне?

– Гибридной. – Девушка на мгновение взяла его за руку и терпеливо объяснила: – Гибридная война – это понятие. Это такая смешанная война, когда и обычная, и малая, и информационная, и кибер-война. Как сейчас у России.

– С украинцами идет обычная война, – хмуро сказал Кузьма, – не малая. Просто об этом как-то больше не говорят. Я понимаю, нельзя официально, но... раньше-то говорили, а сейчас типа запахло стало. Я слушал радио – ни одной новости про это, а мальчишки умирают...

– Это очень важная тема, вы правы! Но в Одессе лишь один из театров. Самый важный, но не единственный! Я так хочу обо всем это написать хороший материал! Я вообще думаю из этого сделать диссертацию. Или книгу. Или диссертацию и книгу, я еще не решила! – с восторгом тараторила Катя. – Но я точно хотела начать с разговора с ветераном. Я, правда, сначала искала ветерана Ближнего Востока, но мне сказали, что по тамошним пока рано писать, им еще нельзя говорить... И тогда я стала искать ветеранов Одессы, и мне посоветовали съездить сюда. Говорят, здесь в округе Геленджика сразу несколько человек живет. И вот я вас сразу нашла! Как вас зовут?

– Кузьма.

– Кузьма? Тот самый Кузьма?! Герой батальона «Смерч»?

- Ну, геройская звезда имеется...

- Так это ваш отряд занял Одесский вокзал и потом оборонял от контрнаступления! Вы командовали последним штурмом и десятидневной обороной?!

Кузьма лишь хмуро расчесывал щетину. Несколько секунд девушка стояла в растерянности, соображая что-то, потом ее лицо прояснила самодовольная улыбка. Кузьме стало не по себе. Он будто снова участвовал в игре каких-то чуждых сил, которые пытались управлять им в Одессе и о сути которых он лишь смутно догадывался.

- Когда ты приехала?

- Всего час назад! Можно взять у вас интервью?

- Вот ты... Господи, да можно, конечно... Постой, а гостиница?

- Гостиница подождет!

- А где, кстати, твои вещи?

- В камеру хранения на автовокзале сдала, чтобы жилье искать налегке. Да неважно все это - мне надо срочно с вами поговорить!

По ее сверкающим глазам Кузьма понял, что вряд ли отвертится, и напрягся. Раньше он никогда не давал интервью и помнил, что на фронте не очень-то любили читать непутевые статьи с гражданки, даже если их писал бывший военный.

- Прямо здесь, что ли? - спросил Кузьма с надеждой, что удастся отсрочить.

Катя стремительно изучила местность, проверила что-то в телефоне и объявила, что они пойдут в KFC.

- В кэ-эф чего? - не понял Кузьма. Когда он уезжал добровольцем, такого еще у них не было, но KFC действительно открылось, и Катя привела его, сверяясь

с картой в телефоне.

– Скажите, что вы хотите, пожалуйста, я вам все куплю.

– Вот еще! – возмутился Кузьма.

– С собаками внутрь все равно нельзя.

– Тогда я ничего не буду.

Фаст-фуд открыли на единственном оживленном перекрестке Края, пластиковая вывеска красовалась напротив Дома культуры, сотворенного советскими строителями, знавшими толк в обстоятельной архитектуре. Кузьма чувствовал себя не в своей тарелке, поскольку тут сидели только кавказцы (они же, судя по всему, и держали точку) и малочисленные школьники. Катя появилась с подносом: принесла ему стакан чая и какой-то бутерброд, а Борьке воды в пластиковой миске и несколько кусочков курицы (пес обнюхал их с недоверием и есть не стал). Себе она купила салат, но не стала даже открывать, а сразу достала блокнот, диктофон и сообщила:

– Я очень волнуюсь, поэтому заранее извините.

– Хорошо.

– Я не буду сразу все спрашивать. Разобьем интервью на несколько частей, ладно? Тем более вам точно есть что рассказать, и мы за раз не управимся.

– Согласен.

– Я буду задавать вопросы, а вы просто говорите то, что считаете нужным. Можно кратко, можно развернуто, ладно? Если трудно ответить, скажите первое, что приходит в голову. А если хотите – можно пропускать вопрос.

С каждым уточнением, хотя звучали они весьма лояльно, Кузьма напрягался все сильнее. Он чувствовал, что его затягивают на территорию, где он никогда не бывал, и там он окажется беззащитным. Но выразить опасение и даже признаться себе в нем Кузьма не мог, поэтому стиснул зубы и ждал.

- А, и вот еще. Вы мне даете разрешение на публикацию?

- Ну да, видимо...

- Я вам пришлю материал, и вы можете письменно заявить правки, договорились? Но после исправлений я могу публиковать на любом носителе, хорошо?

- Ну хорошо.

- Супер! Отлично, тогда поехали.

Глава шестая

Артем Стрельцов набрал полную грудь морского воздуха. Было странно вдыхать такой же запах, как в Одессе, но находиться в мирном цветущем городе, среди здоровых, беззаботных людей. Он пробирался через рынок, раскинувшийся на площади перед вокзалом, и испытывал смешанные чувства. С одной стороны, радостно было видеть столько молодых счастливых лиц, с другой, он никак не мог привыкнуть. Казалось бы, прошел не один месяц, как он возвратился из осажденного города, и пора бы тоже почувствовать себя гражданским, но Стрельцов все еще не был своим среди людей.

Он пробрался через рыночную сутолоку на другой конец площади и отыскал автобусную остановку. Но оттуда уходили лишь городские автобусы – пришлось возвращаться в толпу, чтобы встать в очередь к киоску, отпускавшему билеты на междугородние машины. Несколько десятков человек уже стояли за билетами – в основном пассажиры того же поезда, каким прибыл Стрельцов, – рынок то и дело пытался разорвать очередь, утянуть кого-нибудь в гущу торговли. Стрельцов несколько раз терял из вида лысого старичка, за которым занял, и постоянно поглядывал на телефон. Наконец она позвонила. Стрельцов объяснил, где находится. Марина пришла. В мирной жизни они понимали друг друга без слов, поэтому простояли большую часть времени в молчании. Когда до киоска осталось недолго, Марина сказала:

- Надеюсь, у него на море попрохладнее.

- Да уж, - Стрельцов в очередной раз вытер со лба пот. - Два билета до Края.

Продавщица приняла деньги и дала ему маленькие талончики, напечатанные на тонкой бумаге.

- Сколько ехать? - спросила Марина.

- По карте километров восемьдесят. Посмотрим.

Стрельцов нашел на другой стороне рынка тесный оранжевый автобус с надписью «Край» на лобовом стекле. Он пропустил Марину к окну, а сам сел у прохода. Несколько человек хотели занять ее место, но он упрямо говорил: «У меня два места», и они уходили с ворчанием. Никто не видел Марину, кроме него.

Дорогой они почти не разговаривали. Марина глядела на природу, проносящуюся за стеклом, а Стрельцов - на Марину. Он многое отдал, чтобы она никогда не покидала его, но теперь самое главное было рядом, а остальное можно наверстать. До войны у него было много планов. Почему-то казалось, что достаточно отработать контракт, вернуться и можно будет приступить к их исполнению. Но оказалось, что не все так просто, вина и ненависть крепко держали его. Его командир, самый лихой и сильный человек в батальоне, в своих историях тысячу раз повторял это название - Край.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kupriyanov_konstantin/zhelanie-ischeznut

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)